

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>

UDC 811.161.1'373
LBC 81.411.2-03

Submitted: 05.12.2016
Accepted: 17.01.2017

ON THE EMOTIONAL AND THE RATIONAL IN THE TEXT OF *RUSSKAYA PRAVDA*

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with analysis of the functional-semantic features of formation of the terminological meanings of emotive lexemes, which are used in one of the oldest original legal Ancient Russian text – *Russkaya Pravda*. Special attention is paid to interaction of emotional (subjective, reflecting the domestic vision of a subject matter) and rational (objectified, terminological) meanings in the word's semantic structure.

It was found that all the emotive lexemes in the text of *Russkaya Pravda* were subjected to rethinking manifested in the formation of new meanings and / or functional limitations. The author allocates three groups of lexemes, depending on correlation of rational (terminological) and emotional (common language) elements in their meanings: 1) words that retain the value of emotional experiences; 2) emotive words, which developed additional terminological content and which are characterized by a certain syncretism of values; 3) terms-homonyms formed as a result of semantic derivation on the basis of emotive lexemes.

The obtained information is supplemented with ideas about the possibilities of the semantic development of the vocabulary of emotions, which are implemented already in the oldest texts and, being associated with business writing, are characterized by a certain dependence on the genre of the text and its field of application.

Using data of later sources showed that the model of terms derivation on the basis of emotive lexemes was unproductive.

Key words: history of Russian language, lexical semantics, lexis of emotions, business writing, legislative text.

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 05.12.2016
Дата принятия статьи: 17.01.2017

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ И РАЦИОНАЛЬНОМ В ТЕКСТЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования терминологических значений у эмотивных лексем, функционирующих в одном из древнейших оригинальных законодательных памятников Древней Руси – «Русской Правде». Особое внимание уделяется взаимодействию в семантической структуре слова эмоциональных (субъективных, отражающих бытовое видение предмета) и рациональных (объективированных, терминологических) смыслов.

Установлено, что все эмотивные лексемы в тексте «Русской Правды» подвергаются переосмыслению, проявляющемуся в формировании нового значения и / или функционального ограничения. Выделены три группы лексем в зависимости от соотношения в их значениях рациональных (терминологических) и эмоциональных (общеязыковых) элементов: 1) слова, сохраняющие значение эмоционального переживания; 2) эмотивы, развившие дополнительное терминологическое содержание, характеризующиеся определенным семантическим синкретизмом; 3) термины-омонимы, сформировавшиеся в результате семантической деривации на базе эмотивных лексем.

Полученные сведения дополняют представления о возможностях семантического развития лексики эмоций, которые реализуются уже в древнейших текстах и, будучи связанными с деловой письменностью, обладают определенной зависимостью от жанровой принадлежности текста, сферы его бытования.

Привлечение данных позднейших источников показало, что модель образования терминов на основе эмотивов оказалась непродуктивной.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, деловая письменность, законодательный текст.

1. Эмоциональное и рациональное в языке. Предложенное заглавие может быть истолковано по крайней мере в двух смыслах: как обращение к проблеме соотношения субъективного и объективного начал в деловой письменности и как рассмотрение взаимодействия эмоциональных и рациональных смыслов в значениях языковых единиц, функционирующих в юридическом тексте. Оба понимания, как представляется, не противоречат друг другу и интерпретируются нами как общее и частное.

Изучение соотношения между эмоциональным и рациональным является одним из аспектов описания эмоциональности в языке. По этому поводу Е.М. Вольф писала: «Проблема соотношения эмоционального (аффективного) аспекта с рациональным, то есть связь “чувства и ума”, связь эмоции с мыслью, пониманием, рассуждением и т. п., является одной из основных спорных проблем в изучении эмоциональных состояний» [Вольф, 1996, с. 137–138]. Несомненно, считает исследователь, что эмоции каким-то образом связаны с мышлением, с рациональной стороной человеческого поведения. В этой связи в теории эмоций существуют два основных направления. Одно из них восходит к Аристотелю, который трактовал эмоции как способ понимания ситуации с большим или меньшим участием интеллекта, другое, более позднее, к XIX в., к идеям У. Джеймса, который рассматривал эмоцию как физиологическую реакцию.

Разграничение эмоционального и рационального приобретает принципиальную важность при определении границ эмоциональной лексики. Так, В.А. Звегинцев высказывал следующую точку зрения: «...эмоциональные элементы не входят в значение слова. Они нередко тесно связаны со словом, но пути их формирования, функционирования и проявления редко согласуются с предметно-логическим содержанием слова и подчиняются иным закономерностям» [Звегинцев, 1955, с. 81]. Эмоционально-экспрессивный момент (в сво-

ей «объективизированной» форме), по мнению ученого, проявляется в том, что слово располагается в том или ином стилистическом слое языка. Таким образом, эмоции остаются за пределами языковой системы. Такой же точки зрения придерживались Л.А. Булаховский [Булаховский, 1953, с. 13] и Ж. Вандриес, считавшие, что чувства в большинстве случаев остаются вне языка [Вандриес, 2001, с. 136]. Высказывалась и полностью противоположная точка зрения. Например, по мнению Ш. Балли, речь выражает в первую очередь чувства [Балли, 1961, с. 23].

Привлекая философское и психологическое осмысление данной проблемы в целом, лингвисты пытаются решить ее, опираясь на конкретный языковой материал. Задействованными при этом оказываются языковые единицы различных уровней. Так, в работе В.И. Говердовского соотношение эмоционального и рационального выявляется через диалектику коннотации и денотации на материале аффиксов русского и украинского языков. Денотативная характеристика показывает логическую направленность значения морфем и вызывается рациональными потребностями передачи информации. Напротив, коннотация показывает направленность не значений, а созначений (добавочных значений) слов и идет не от рациональной, а от эмоциональной сферы психики говорящего [Говердовский, 1985, с. 71–72]. Л.А. Пиотровская решает данную проблему на материале эмотивных высказываний. По ее мнению, единство эмоционального и интеллектуального в значении эмотивных высказываний проявляется в том, что их содержание не сводится к выражению эмоционального состояния или эмоционального отношения субъекта речи к объективной действительности, поэтому при описании содержательной структуры данного класса высказываний исследователь считает целесообразным выделять два семантических блока, один из которых соотносится со сферой рационального, а другой – со сферой эмоционального [Пиотровская, 1994, с. 127].

2. Эмоциональная лексика или лексика эмоций? В работах названных лингвистов под эмоциональным в языке и речи понимается выражение ими чувств, эмоций говорящего, его эмоциональное отношение к предмету речи. Эта мысль определенно высказана Э.А. Вайглой, считающей, что эмоциональная лексика в языковом плане может быть выделена лишь на основе функции выражения эмоционального отношения говорящего к окружающему [Вайгла, 1978, с. 3]. Исследователь относит к эмоциональной лексике слова (или лексико-семантические варианты), являющиеся носителями информации об эмоциональном отношении говорящего к действительности, то есть слова с объективно присущим им эмоциональным значением, служащим средством выражения эмоционального отношения к окружающему. Речь идет о словах, несущих эмоциональную нагрузку узурально. Только эти слова имеют право на статус эмоциональной лексики как лексики специфической по своему назначению и особенностям семантики.

Однако в лингвистике существует и другой подход. Так, В.Г. Гак обращает внимание на то, что следует различать выражение эмоций и сообщение о них [Гак, 1996, с. 20]. Эмоции могут отражаться в речевом поведении людей как в вербальной, так и в невербальной форме (жесты, мимика и т. п.), при этом необязательно употребление слов, заключающих в своей семантике эмоциональные компоненты, они могут просто выражать эмоцию. Кроме того, в языке существуют слова, в значении которых закреплена эмоциональная семантика, но употребление их в речи не означает, что говорящий субъект обязательно испытывает данное эмоциональное переживание. Они обозначают эмоции. Это слова, содержащие «сообщение об эмоциях», которое в свою очередь подразделяется на их изображение и описание. Эмоции изображаются через описание жестов, изменение внешнего вида человека, сопровождающих чувство. Для описания эмоций используются высказывания, содержащие глаголы чувства и отношения [Гак, 1997, с. 87–88]. На возможность подобной типологии указывают и другие ученые.

Таким образом, традиция научного описания разделила как принципиально различ-

ные два класса эмотивной лексики. Так называемая *лексика эмоций* включает слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях. К *эмоциональной лексике* относят эмоционально окрашенные слова.

В работе Л.Г. Бабенко предпринимается попытка найти решение данной проблеме – предлагается снять искусственное разделение лексики на два класса (лексику эмоций и эмоциональную лексику) и преодолеть раздельное изучение этих классов слов: «Принимая во внимание различие природы эмотивной заряженности этих слов, надо учитывать, что лексика и того и другого множества участвует в отображении (обозначении или выражении) эмоций человека (говорящего, слушающего или какого-либо другого лица). Она соотносится с миром эмоций и отображает этот мир, следовательно, правильнее будет слить эти два направления в одно русло. Сохраняя за терминами “лексика эмоций” и “эмоциональная лексика” их традиционное осмысление, предлагаем назвать совокупность обозначаемых ими средств эмотивной лексикой, ибо за этим сочетанием слов пока еще нет устойчивых терминологических ассоциаций» [Бабенко, 1989, с. 14].

3. Изучение лексики эмоций на материале памятников письменности. Исследователям современного русского языка удалось установить, что в условиях текста не только эмоциональная лексика, но и лексика эмоций приобретает дополнительные, эмотивные микрокомпоненты, благодаря которым могут реализовываться глубинные эмосемы и имя эмоции уже не является эмоционально нейтральным [Шаховский, 2009, с. 19]. Что касается изучения исторической семантики слова, то смысловые оттенки значения лексем и словоформ могут быть восстановлены лишь с весьма относительной степенью достоверности. В связи с этим Л.П. Жуковская писала, что судить о семантике слова «мешает и удаленность нашего языкового сознания от эпох, о которых беремся судить мы сами и наши современники, и, в частности, сложные контекстуальные условия функционирования того или иного слова в памятнике письменности, которые могли не одинаково осмысляться даже разными жившими в ту

пору писцами и редакторами-современниками» [Жуковская, 1976, с. 89]. Поэтому особую значимость приобретает рассмотрение функционирования слов в контексте, позволяющем реализовать те или иные их синтагматические и парадигматические связи.

Предпринятое нами ранее исследование формирования семантики древнерусских и старорусских эмотивных глаголов выявило, что ядро этой группы сложилось уже в древнейшую эпоху. Языковой материал памятников XI–XVII вв. показывает, что данное семантическое множество активно пополняется, в том числе за счет деривационных семантических изменений¹ глаголов других лексико-семантических классов. В отличие от относительного разнообразия процессов семантической деривации, приводящих к расширению числа эмотивных глаголов, случаи семантической деривации, в которых в качестве мотивирующих выступали бы сами эмотивные глаголы, крайне редки. Анализ житийных текстов не зафиксировал подобные семантические изменения в смысловой структуре рассматриваемых языковых единиц. Однако в летописном тексте все же встречаются глагольно-именные сочетания, по отношению к которым можно говорить о семантической деривации [Дмитриева, 2010, с. 16].

Обращение к памятникам деловой традиции позволило расширить наблюдения над семантикой и использованием эмотивной лексики, прежде всего, потому, что отмеченные случаи употребления эмотивных лексем, с одной стороны, продолжают традиции житийного и летописного жанров, а с другой – отличаются подлинным своеобразием [Дмитриева, 2013, с. 24].

4. Эмотивная лексика в терминосистеме «Русской Правды». В этой связи особый интерес представляет анализ языка «Русской Правды» как одного из древнейших законодательных текстов, поскольку закон направлен прежде всего на рациональное регулирование наиболее важных социальных отношений и лишен проявлений эмоциональности, о чем свидетельствует семантика содержащихся в нем юридических терминов.

И.С. Улуханов отмечает, что уже в древнейших деловых памятниках XI–XIV вв. представлены устоявшиеся юридические и обще-

ственно-политические термины [Улуханов, 2002, с. 149], однако процесс формирования и пополнения деловой терминологии активно продолжался на протяжении этого и последующих периодов развития русского языка. Изучение путей и закономерностей складывания русской деловой терминосистемы позволяет сделать выводы о том, как меняется человек русского средневековья, как формируется его языковая картина мира [Юридическая лексика русского языка..., 2014, с. 3].

Становление терминологической лексики в правовой системе древнерусского государства прошло через длительный период процесса терминологизации общенародной лексики, то есть использования ее в качестве специальных лексических средств в разнообразных юридических актах и правовых действиях. М.В. Косова отмечает, что на первых этапах становления терминологической системы специальное знание опиралось на бытовое, наивное, профессиональная лексика «отталкивалась» от знакомых смыслов, заложенных в общеупотребительных словах [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 298].

Таким образом, рассмотрение процессов терминологизации лексики эмоций представляет интерес как при выявлении направлений развития данного лексико-семантического множества, так и при определении источников пополнения терминов в деловом языке Древней Руси.

С точки зрения наличия процессов терминологизации в тексте «Русской Правды» могут быть выделены три группы эмотивной лексики: 1) эмотивные лексемы, не подвергшиеся терминологическому переосмыслению и используемые в законодательном тексте в прямом (эмотивном) значении; 2) эмотивные лексемы, характеризующиеся синкретизмом эмотивного и дополнительного терминологического (рационального) значений; 3) сформировавшиеся на базе эмотивных лексем омонимы с терминологическим (рациональным) значением. Рассмотрим каждую из групп более подробно.

4.1. Эмотивные лексемы, не подвергшиеся терминологическому переосмыслению. В чистом виде первая группа представлена в «Русской Правде» одним случаем употребления глагола **търпѣти**, восходящего

к индоевропейскому корню, имевшему значения «неметь», «коченеть», «делаться бесчувственным» (Черных, т. 2, с. 239; Фасмер, т. 4, с. 49). Таким образом, семантика физиологического состояния была для лексемы первичной: *терпеть* – значит выдерживать, переносить боль, страдание и т. п. В результате переноса наименования способности стойко и безропотно переживать состояния физического дискомфорта на сферу чувств и эмоций у глагола формируется новая эмотивная семантика: *терпеть* – значит сохранять спокойствие, мириться с некоторым положением вещей. Именно это значение реализует причастное образование от глагола *търпѣти* в тексте «Русской Правды»: **Аже кто когв оударитъ батогомъ, люво уашею, люво рогомъ, люво тылѣснию, то 12 гри(венъ). Не терпа ли противу томү оударитъ меуемъ, то вингы кмү в твмь нѣтүтъ** (ПР, л. 333 об.)².

Используемый для выражения юридической нормы, эмотивный глагол перестает выполнять основную для него функцию характеристического описания субъекта эмоционального переживания. Лексема в данном случае характеризует смягчающие обстоятельства, учитывавшиеся при квалификации преступления. Существенным для законодателя здесь выступает не столько эмоция человека – состояние аффекта, невменяемости, сколько классификация орудия преступления, выстраиваемая не по принципу возможной тяжести наносимых увечий, а в зависимости от представлений о причиненной обиде, бесчестии. Таким образом, чувство становится в центре уже на уровне более широкого контекста: нарушение, по современным представлениям, пределов допустимой самообороны, эмоциональная невыдержанность в вину человеку не ставятся, поскольку объясняются нанесенным оскорблением. Конкретное переживание, выраженное словоформой *не терпа*, оказывается не важным и подчиняется главной эмоции (обиде), рассмотрению которой в той или иной мере посвящен весь текст «Русской Правды».

Глагол *терпеть* не развивает терминологических значений и в более поздних памятниках, а также в современном русском языке, о чем свидетельствуют данные исторических и толковых словарей.

В этом смысле глагол *пеуаловатиса* может быть отнесен к первой группе лишь условно, поскольку в более поздних текстах развивает терминологическое значение. В древнерусском языке глагол *пеуаловатиса* имел прямое значение «печалиться, огорчаться, скорбеть» (СДР, т. VI, с. 382), характеризующее эмоциональное состояние, а также переносное – «заботиться» (СДР, т. VI, с. 382), характеризующее эмоциональное отношение. В обоих случаях в семантической структуре глагола реализуется категориально-лексическая сема ‘эмоциональное переживание’. Эмоциональное отношение передает *пеуаловатиса* и в тексте «Русской Правды»: **Аже буд(ү)ть в домү дѣти мали, а не джи сам буд(ү)ть сами собою пеуаловати, а мати имъ пшидетъ за мүжь, то кто имъ ближии будеть, томү же дати на рүцѣ і с довыткомъ и с домомъ, донелѣ же возмѡгүтъ; а товаръ дати перед людьми; а что срѣзитъ товаромъ тѣмъ ли пригоститъ, то то кмү собѣ, а истыи товаръ ворштитъ імъ, а прикупъ кмү собѣ, зане кормилъ и пеуаловалъса ими** (ПР, л. 341 об.).

В тексте Псковской Второй летописи (список конца XV в.) лексема *пеуаловатиса* употребляется в схожих контекстах, связанных с просьбой о помощи, официальным обращением к правителю (посаднику, князю, царю): **И виша уолом, авгы пеуаловалъса о Пскове и избавилъ бы от гнѣва князя Витовта** (ЛП, л. 190); **и послаша гонца ко Псковү, утовгы пеуаловалиста о них** (ЛП, л. 191 об.); **...утовгы пеуаловалъса князь великий своею отчиною и далъ бы князя** (ЛП, 204 об.); **и отвѣуалъ князь великий о владыке: се гязь шлю вогаръ в великий Новгород и к вамъ, ино за ними все будет вамъ оуказано; а рад есми пеуаловатиста вами съ своимъ отцемъ с митрополитомъ с Феодосиемъ** (ЛП, л. 206 об.); **того же лѣта попи невокупни виша уолом Псковү, утовгы пеуаловалиста и биши уолом князю великомү и митрополитү быти во шостомү сворү** (ЛП, л. 208 об.). В данных контекстах в смысловой структуре рассматриваемого глагола происходят деривационные семантические изменения, в результате которых актуализируется сема ‘помощь’ и обра-

зается глагол-омоним **печаловатиса**, выражающий значение «оказывать поддержку» (категориально-лексическая сема ‘социальная деятельность’). Во всех приведенных случаях речь идет об официальных взаимоотношениях, рациональных по своей сути и исключающих эмоциональную основу. Такие контексты, по-видимому, свидетельствуют о наличии особой челобитной формулы, в рамках которой и формируется новое слово. Стоит отметить, что в словарях фиксируется особое терминологическое значение у отглагольного образования *печалование* – «ходатайство, адвокатская практика» (Исаев, с. 72).

В остальных случаях лексика эмоций претерпевает в тексте «Русской Правды» семантические изменения, приводящие к появлению терминологического значения или формированию термина-омонима.

4.2. Эмотивные лексемы, характеризующиеся синкретизмом эмотивного и терминологического (рационального) значений. Так, лексема **желѣти** фиксируется словарями уже в древнейших памятниках письменности. Индоевропейский корень с чередованием *e//a* имел семантику «колоть», «жалить», «боль», «мучение», «смерть» (Черных, т. 1, с. 291; Фасмер, т. 1, с. 35); значение «жалеть», «сожалеть» было вторичным по сравнению с «желать» и возникло (возможно, еще в праславянскую эпоху) как следствие смешения глаголов **želēti* и **želatī* (Черных, т. 1, с. 295). В форме *жалети* (> *жалеть*) глагол отмечается в словарях с начала XVIII века.

Корень **-жал-/-жел-** с семантикой эмоционального переживания, сложившейся еще в дописьменный период, выступает в бесприставочных глаголах **жалити**, **жалѣти** и **желѣти**, функционирующих в древнерусских и старорусских памятниках письменности. Значение «печалиться, скорбеть, горевать» было общим для **желѣти** и **жалити**, заметим, что существительное **жалость** имело первичное значение «горе, печаль». Как для **жалити**, так и для **желѣти**, значение «печалиться, скорбеть, горевать» было вторичным. Прямым значением глагола **желѣти** было «хотеть, желать»: и **прѣдъ двѣрьми твоими стоюж роукѣ || простъръ. желѣю во напитѣнъ быти тобою. Изб 1076, 94 об. – 95** (СДР, т. 3,

с. 243). Однако, помимо эмотивного значения «скорбеть, горевать»: и **сдѣ желѣють по ни(х) со многыи плачѣи и рыданіи горкыи. ЗЦ к. XIV, 26в** (СДР, т. 3, с. 243), у **желѣти** отмечается еще одно переносное значение «лишиться чего-л., проститься с чем-л.» (СДР, т. 3, с. 244), иллюстрациями для которого являются только контексты из «Русской Правды»: **...а что с нимъ погнѣло, а тогѣ кмѣ желѣти, а ономѣ желѣти своихъ кѣнѣ, занѣ не знатѣ оу когѣ купивѣ** (ПР, л. 335); **А и свокѣ города в ѹюжю землю свѣда нѣтѣтъ, но тако же вѣвести кмѣ послѣхи любо мѣтника, передѣ кимъ же купивше, то истѣцю лице взѣти, а прѣка кмѣ желѣти, что с нимъ погнѣло, а ономѣ своихъ кѣнѣ желѣти** (ПР, л. 335 об.). Необычность сочетаемости проявляется в том, что формула текста характеризует не эмоциональное состояние субъекта, а должное отношение, рационально оцениваемую и поощряемую модель поведения.

Исследователи памятника письменности видели в этом выражении и моральную сентенцию, с которой судья обращался к потерпевшему, и указание на право потерпевшего на дальнейшие розыски [Тихомиров, 1953, с. 94]. Интересно, что И.И. Срезневский отмечал здесь реализацию нового значения, соотносимого, предположительно, с основным значением существительного **желѣник** – «пеня» (Срезн., т. 1, стб. 853).

В Словаре русского языка XVIII в. фиксируются только глаголы *жалеть* (= «чувствовать жалость, сострадание; печалиться, скорбеть; беречь, щадить; неохотно тратить, расходовать» (СРЯ XVIII, вып. 7, с. 91)) и *желать* (= «иметь желание к чему-л., хотеть; выражать, высказывать какое-л. пожелание» (СРЯ XVIII, вып. 7, с. 103)), терминологических значений у которых не отмечено.

В современном русском литературном языке значение эмоционального переживания жалости передается только бесприставочным глаголом *жалеть*, прямое значение которого – «чувствовать жалость, сострадание к кому-нибудь» (ССРЛЯ, т. 4, стб. 14), синонимичными для него будут глаголы *сочувствовать, соболезновать*. В Словаре русских народных говоров глагол *жалеть* зафиксирован в значении «любить» (СРНГ, вып. 9, с. 63).

В семантике лексемы *обида* также наблюдается синкретизм бытового эмотивного значения и юридического терминологического (рационального), сформировавшегося в результате действия одного из самых продуктивных способов образования древнерусских юридических терминов – метонимического переноса (несправедливость, оскорбление → ущерб как общее понятие преступления) [Лемов, 2014, с. 29].

Этимология этого слова восходит к праславянскому *ob(ь)-vida (Фасмер, т. 3, с. 100), для которого старшим признается значение «оглядывание», «осматривание» (Черных, т. 1, с. 585). В древнерусском языке у этого слова отмечаются следующие значения: 1) «несправедливость, зло, насилие; нарушение прав, оскорбление, бесчестие, причинение вреда; материальное притеснение, ущерб»; 2) «вражда, ссора»; 3) «презрение, пренебрежение»; 4) «чувство горечи, печали, обиды, досады» (СДР, т. V, с. 473–474). Обращает на себя внимание тот факт, что и в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.), и в Словаре русского языка XI–XVII вв. терминологическая составляющая семантики формулируется как «материальное притеснение, ущерб» и включается авторами в основное (прямое) значение, тогда как эмоциональный «подтекст» остается на периферии или вовсе не эксплицируется (СРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49). В этом смысле более удачным, на наш взгляд, является толкование, предложенное И.И. Срезневским: **Обида** – «обида, оскорбление»; «ссора»; «вражда» (Срезн., т. 2, стб. 502–504), поскольку терминологическая семантика представляется более поздним наслоением, а эмотивное значение по отношению к нему – первичным. По-видимому, в древнерусском языке лексема *обида* подразумевала результат отрицательного физического и / или психологического воздействия на объект, проявляющийся и в определенном наносимом вреде, и в специфическом эмоциональном состоянии. Позднее *обида* была переосмыслена как действие, имеющее данный результат, что и закрепило в сложном комплексе значений терминологического наименования *обида*. Так, Э.В. Георгиевский отмечает, что в древнерусских юридических текстах достаточно устойчивыми и вместе с тем очень емкими явля-

ются термины *обида*, *мука*, *сором*, которые обозначают и понятие преступления, и причиненный вред, и особое эмоциональное состояние, которое испытывает потерпевший от преступного действия [Георгиевский, 2015, с. 32].

Архаичный, по мнению М.Н. Тихомирова [Тихомиров, 1941, с. 202], термин *обида* в тексте «Русской Правды» употребляется преимущественно в связи с назначением денежного штрафа: **Ауе кто кwnь погубить, или оружьк, или портъ, а заповѣсть на торгѣ, а пwслѣ пwзнакѣ въ свокмъ городѣ, свок кмѣ лицемъ взати, а за обиду платити кмѣ 3 гри(внѣ)** (ПР, л. 334 об.); **Аже бѣд(ѣ)ть холпнн татик любо княжи, любо богарьстинн, любо уернеуь, их же князь продожею не казнить, зане сѣть не свободни, то двинуе платити ко истьцю за обиду** (ПР, л. 336); **...зане же не далъ кмѣ кѣнъ за мнво лѣтъ, || то платити кмѣ за обиду 3 гри(внѣ)** (ПР, л. 336–336 об.); **Продасть ли господинъ закупъ овель, то нанмитѣ свобода во всѣхъ кѣнахъ, а господинѣ за обиду платити 12 гри(венѣ) продажѣ** (ПР, л. 337); **Аже кто оударитъ меуемъ, не вынезѣ кго, или рѣкогатию, то 12 гри(венѣ) продажи за обиду** (ПР, л. 333 об.). Во всех приведенных контекстах *обида* выступает основанием, причиной наступающей юридической ответственности. Однако в следующем контексте *обида* определяет одно из условий, которые могут послужить препятствием для ее наступления: **Аже закупъ бѣжитъ wt господы, то овель; идетъ ли искатъ кѣнъ, а павленw худитъ или ко князю или къ суднамъ бѣжитъ обиды дѣла свокгw господина, то про то не рвѣать кгw, но дати кмѣ правдоу** (ПР, л. 338 об.), – поскольку бегущий от обид господина слуга заслуживает справедливого раследования.

Таким образом, термин *обида* в языке «Русской Правды» сохраняет синкретизм значений, совмещая и наименование правонарушения (рациональный компонент), и эмоциональное переживание, нарушением прав вызванное.

Как представляется, подтверждением устойчивости эмотивной семантики в значении слова *обида* является употребление в тексте памятника лексемы **перевидѣти** –

«сильно обидеть, отнестись несправедливо» (СДР, т. 6, с. 459; Срезн., т. 2, стб. 912): **Аже господинъ переобид(и)ть закоупа, а оубид(и)ть кѹпу кѹго или отарицу, то то кѹму все воротити, а за обиду платити кѹму 60 кѹнъ** (ПР, л. 337). В семантике данной лексемы содержится представление о высокой (сверх меры) интенсивности обозначаемого процесса, что, с одной стороны, характерно для описания эмоций и чувств в древнерусских текстах в целом, а с другой – перекликается с употреблением лексемы *обида* в рассмотренных выше контекстах (**вѣжитъ обиды дѣла**), указывая и на основания применения наказания, и на обстоятельства, облегчающие положение зависимого человека.

Юридическое понимание лексемы *обида* как нарушения прав личности, гражданина фиксируется и авторами Словаря русского языка XVIII в. (СРЯ XVIII, вып. 15, с. 237–238).

Некоторая семантическая широта, нечеткость границ понятия, обозначаемого термином *обида*, проявляется еще и в том, что в аналогичных контекстах может быть произведена лексическая замена этого слова. В частности, таковым представляется употребление слова *соромъ* в следующем контексте: **А се аже холопъ оударитъ свободна мѹжа, а оубѣжитъ в хоромѣ, а господинъ кѹго не выдасть, то платити за нь господину 12 гри(венъ); а затѣмъ аче и кдѣ налѣзеть оударенъи тѣ свѣго истьца, кто кѹго оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и, но сынове кѹго по отци оуставиша на кѹнъ, либо бити и розважавше, либо ли взати гри(вна) кѹнъ за соромъ** (ПР, л. 337 об.). *Соромъ* в древнерусском языке – это и «постыдное, унижительное положение, позор, бесчестье», и «чувство стыда, стыд» (СРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 182).

Интересными в связи с этим являются наблюдения, сделанные В.В. Колесовым: «Человек не только сам понимает, что поступил плохо; видят это и другие. Но если осуждают другие, это уже не стыд, это – срам или, говоря по-русски, сором... Стыд и срам связаны друг с другом как причина и следствие» [Колесов, 2004, с. 106]. Возможно, помимо совмещения значений внешнего результата процесса и внутреннего эмо-

ционального переживания, лексемы *обида* и *сором* связывают значения субъективного (эмоционального) переживания и объективной (отчасти рациональной) оценки происходящего со стороны.

4.3. Омонимы с терминологическим (рациональным) значением, сформировавшиеся на базе эмотивных лексем. Особняком стоят эмотивные лексемы, в смысловой структуре которых происходят деривационные семантические изменения, приводящие к формированию омонимов уже в древних текстах.

Подобные семантические изменения происходили в смысловой структуре существительного *милость*, имеющего в основе такой же индоевропейский корень, как слово *мир*, но только с другим суффиксом (Черных, т. 1, с. 532). Значения «милый», «любезный», «любовь», «улада, удовольствие, радость» представлены преимущественно в языках балтославянской группы (Фасмер, т. 2, с. 622).

В древнерусском языке *милость* – это 1) «милость, милосердие»: **а̄ь во тѣрпѣливѣ ксть... || ...милость во и гнѣвъ оу него ксть. Изб 1076, 134–134 об.** (СДР, т. 4, с. 530); 2) «жалость, сочувствие»: **обрати жестокок срдце оца кѹго на милость къ сыноу свокмоу. ЖФП XII, 34 з** (СДР, т. 4, с. 531).

В тексте «Русской Правды» слова с этим древним корнем развивают новые, подчас уникальные значения. Так, значение «ссуда» или «плата, жалованье» у слова *милость* фиксируется словарем только в этом памятнике письменности (СДР, т. 4, с. 531; СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 155): **А въ дауѣ не холпѣ, ни по хлѣбѣ робѣтати, ни по придатѣцѣ; но оже не дохѣдати года, то ворѹвати кѹму милость; втѣхднати ли, то не виновати ксть** (ПР, л. 343).

Глагол *промиловатиса* (= «неразумно расщедриться в ущерб себе» или «неосмотрительно довериться»), по данным словарей, также представлен только в «Русской Правде» (СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 169; СДР, т. 9, с. 98): **Послѹхѹвъ ли не бѹдетъ, а бѹдетъ кѹнъ 3 гри(вны), то ити кѹму про своѣ кѹнъ ротѣ; бѹдетъ ли боле кѹнъ, то реуи кѹму тако: промиловалса кси, оже кси не ставил послѹхѹвъ** (ПР, л. 337 об.). Подчеркивая связь *промиловатиса* со словом *милость* и опреде-

ляя его значение как вполне рациональное «недосмотреть, слишком довериться; быть слишком милым, любезным» [Карский, 1930, с. 100], Е.Ф. Карский отрицал его этимологическое родство с польским глаголом *omylić się*, имеющим значение «ошибиться» (Стыпула, с. 363).

5. Выводы. Таким образом, «Русская Правда» содержит уникальный языковой материал, иллюстрирующий развитие у лексики эмоций уже в древнейших памятниках терминологических значений. Однако данный путь в истории русской терминологии, по-видимому, оказался непродуктивным, поскольку употребление подобных образований зачастую носит единичный характер. Терминологические значения, отражающие переосмысление эмоций, зачастую утеряны и восстанавливаются исследователями лишь предположительно. Этому можно найти как лингвистическое, так и экстралингвистическое объяснение: во-первых, образование семантических дериватов на базе номинаций эмоциональных переживаний не поддерживалось системой языка, о чем свидетельствует отсутствие их в текстах других жанров, а во-вторых, замена терминов, связанных с характеристикой личного, индивидуального, на термины, отражающие общественные, государственные установки, связана с зарождением и реализацией новых правовых принципов. Тем не менее представляет значительный интерес как сам факт полного вовлечения эмотивной лексики в законодательный контекст (все обнаруженные нами эмотивные лексемы или функционально ограничены, или реализуют уже новые смыслы, требующиеся для формулировки системы юридических понятий), так и нехарактерное для современного языка сложное совмещение в семантике древнейших юридических терминов эмоционального и рационального компонентов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Семантическая деривация рассматривается как процесс, приводящий к появлению новой категориально-лексической семы, нового слова, характеризующегося иными парадигматическими и синтагматическими отношениями [Лопушанская, 1988, с. 15].

² Анализируемые контексты приводятся по Археографическому I списку «Русской Правды» (см. список источников).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

Булаховский, Л. А. Введение в языкознание. Ч. II / Л. А. Булаховский. – М. : Гос. учеб.-педагог. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1953. – 178 с.

Вайгла, Э. А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вайгла Эда Александровна. – М., 1978. – 21 с.

Вандриес, Ж. Язык (лингвистическое введение в историю) / Ж. Вандриес. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 408 с.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний / Е. М. Вольф // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : сб. ст. – М. : ИЯЗ, 1996. – С. 137–167.

Гак, В. Г. Синтаксис эмоций и оценок / В. Г. Гак // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : сб. ст. – М. : ИЯЗ, 1996. – С. 20–31.

Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 87–95.

Георгиевский, Э. В. К вопросу об этимологии некоторых терминов древнерусского уголовного права / Э. В. Георгиевский // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков : материалы к слов.-справ. / отв. ред. В. П. Киржаева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – Вып. 2. – С. 30–42.

Говердовский, В. И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) / В. И. Говердовский // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 71–79.

Дмитриева, Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 14–19.

Дмитриева, Е. Г. Развитие значений эмотивов в языке деловых документов / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 2 (18). – С. 23–27. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2013.2.3>.

Жуковская, Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская. – М. : Наука, 1976. – 368 с.

Звегинцев, В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы в значении слова / В. А. Звегинцев // Вестник Московского университета. – 1955. – № 1. – С. 69–81.

Карский, Е. Ф. Русская правда по древнейшему списку / Е. Ф. Карский. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – 114 с.

Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. Кн. 3 : Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.

Лемов, А. В. Юридические термины-метонимы в древнерусском языке / А. В. Лемов // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков : материалы к слов.-справ. / отв. ред. В. П. Киржаева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – Вып. 1. – С. 27–32.

Лопушанская, С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : сб. ст. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.

Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) / Л. А. Пиотровская. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 146 с.

Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр. / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова и др. ; отв. ред. Е. М. Шептухина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 352 с.

Тихомиров, М. Н. Исследование о Русской Правде / М. Н. Тихомиров. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 254 с.

Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.

Улуханов, И. С. О языке Древней Руси / И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2002. – 192 с.

Шаховский, В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2009. – 170 с.

Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков : материалы к слов.-справ. / отв. ред. В. П. Киржаева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – Вып. 1. – 209 с.

ИСТОЧНИКИ

ЛП – Псковская Вторая летопись по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2 : Псковские летописи. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 9–69.

ЛР – Правда Русская : в 2 т. Т. 1 : Тексты. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 506 с.

СЛОВАРИ

Исаев – Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : от договоров с

Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.

СДР – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XI. – М. : Русский язык ; Азбуковник, 1988–2016.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–45. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2012.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. – М. : Наука, 1975–2015.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. – СПб. : Наука. С.-Петерб. отделение, 1984–1991 ; Вып. 7–19. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1992–2011. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>. – Загл. с экрана.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина [и др.]. – М. ; Л. : Наука, 1950–1965.

Стыпула – Стыпула, Р. Польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалева. – М. ; Варшава : Русский язык : Ведза Повшехна, 1989. – 864 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – СПб. : Терра-Азбука, 1996.

Черных – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 2002.

REFERENCES

Babenko L.G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Marking Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk, Izd-vo Uralskogo un-ta, 1989. 184 p.

Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Izd-vo inostrannoy lit-ry, 1961. 394 p.

Bulakhovskiy L.A. *Vvedeniye v yazykoznaniiye. Ch. II* [Introduction to Linguistics. Part II]. Moscow, Gos. ucheb.-pedagog. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, 1953. 178 p.

Vaygla E.A. *Emotsionalnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka i problemy ee perevoda (na russko-estonskom materiale): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Emotional Lexis of Modern Russian Language and the Problems of Its Translation (on the Russian-Estonian Material). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1978. 21 p.

Vandries Zh. *Yazyk (lingvisticheskoye vvedeniye v istoriyu)* [Language (a Linguistic

Introduction to History)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 408 p.

Volf E.M. Funktsionalnaya semantika. Opisaniye emotsionalnykh sostoyaniy [Functional Semantics. Description of Emotional States]. *Funktsionalnaya semantika: otsenka, ekspressivnost, modalnost: sb. statei* [Functional Semantics: Evaluation, Expression, Modality. Collected Articles]. Moscow, IYaZ Publ., 1996, pp. 137-167.

Gak V.G. Sintaksis emotsiy i otsenok [The Syntax of Emotions and Evaluations]. *Funktsionalnaya semantika: otsenka, ekspressivnost, modalnost: sb. statei* [Functional Semantics: Evaluation, Expression, Modality. Collected Articles]. Moscow, IYaZ Publ., 1996, pp. 20-31.

Gak V.G. Emotsii i otsenki v structure vyskazyvaniya i teksta [Emotions and Evaluations in the Structure of Utterances and Text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, 1997, no. 3, pp. 87-95.

Georgievskiy E.V. K voprosu ob etimologii nekotorykh terminov drevnerusskogo ugolovnoogo prava [On the Etymology of Certain Terms of the Ancient Russian Criminal Law]. Kirzhaeva V.P., ed. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI-XVII vekov: materialy k slovaryu-spravochniku* [Legal Vocabulary of the Russian Language of the 11-17th Centuries: Materials for the Reference Dictionary]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2015, iss. 2, pp. 30-42.

Goverdovskiy V.I. Dialekika konnotatsii i denotatsii (Vzaimodeystviye emotsionalnogo i ratsionalnogo v leksike) [Dialectics of Connotation and Denotation (Interaction of the Emotional and the Rational in Vocabulary)]. *Voprosy yazykoznaneya*, 1985, no. 2, pp. 71-79.

Dmitrieva E.G. Izmeneniya smyslovoy struktury glagolov emotsiy v drevnerusskom yazyke [Changes of semantic structure of verbs of emotions in Old Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaneya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2010, no. 1 (11), pp. 14-19.

Dmitrieva E.G. Razvitiye znacheniy emotivov v yazyke delovykh dokumentov [The Development of the Emotive Verbal Meanings in the Official Document Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaneya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 2 (18), pp. 23-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2013.2.3>.

Zhukovskaya L.P. *Tekstologiya i yazyk drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov* [Textual Study and the Language of the Oldest Slavic Manuscripts]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 68 p.

Zvegintsev V.A. Ekspressivno-emotsionalnye elementy v znachenii slova [Expressive and emotional

elements in the meaning of the word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 1955, no. 1, pp. 69-81.

Karskiy E.F. *Russkaya pravda po drevneyshemu spisku* [The ancient version of Russkaya Pravda]. Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1930. 114 p.

Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus: naslediyе v slove: v 5 kn. Kn. 2: Bytiye i byt* [Ancient Rus: Heritage in Word. In 5 Books. Book 2: Genesis and life]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 2004. 400 p.

Lemov A.V. Yuridicheskiye teriny-metonimy v drevnerusskom yazyke [Legal terms-metonyms in the ancient language]. Kirzhaeva V.P., ed. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI-XVII vekov: materialy k slovaryu-spravochniku* [Legal Vocabulary of the Russian Language of the 11th-17th Centuries: Materials for the Reference Dictionary]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta, 2014, iss. 1, pp. 27-32.

Lopushanskaya S.P. Izmeneniye semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v processe modulyatsii [Changes in the semantic structure of unprefixated Russian verbs of motion in the modulation process]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)* [The Russian verb (comparative aspect)]. Volgograd, Izd-vo VPI, 1988, pp. 5-19.

Piotrovskaya L.A. *Emotivnyye vyskazyvaniya kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov)* [Emotive statements as the object of linguistic research (in the Russian and Czech languages)]. Saint Petersburg, 1994. 146 p.

Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., et al. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt: kollektivnaya monografiya* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronic and Diachronic Aspect. Collective Monograph]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2015. 352 p.

Tikhomirov M.N. *Issledovaniye o Russkoy Pravde* [A study of Russkaya Pravda]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1941. 254 p.

Tikhomirov M.N. *Posobiye dlya izucheniya Russkoy pravdy* [A manual for the study of Russkaya Pravda]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1953. 192 p.

Ulukhanov I.S. *O yazyke Drevney Rusi* [On the language of Ancient Rus]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 192 p.

Shakhovskiy V.I. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokulturologii* [Language and emotions in the linguocultural aspect]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 170 p.

Kirzhaeva V.P., ed. *Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI-XVII vekov: materialy k slovaryu-spravochniku* [Legal Vocabulary of the Russian Language of the 11-17th Centuries: Materials

for the Reference Dictionary]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2014, iss. 1. 209 p.

SOURCES

Pskovskaya Vtoraya letopis [The Second chronicle of Pskov]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 5. Vyp. 2.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Iss. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, pp. 9-69.

Pravda Russkaya: v 2 t. T. 1: Teksty [Russkaya Pravda. In 2 vols. Vol. 1: Texts]. Moscow, Leningrag, AN SSSR Publ., 1947. 506 p.

DICTIONARIES

Isaev M.A. *Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiyei do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [Explanatory Dictionary of Ancient Russian Legal Terms: From Contracts With the Byzantine Empire to the Charters of the Moscow State University]. Moscow, Spark Publ., 2001. 119 p.

Slovar drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.). T. I-XI [Dictionary of the Old Russian language (11th-14th centuries). Vol. I-XI]. Moscow, Russkiy yazyk Publ.; Azbukovnik Publ., 1988-2016.

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian

language in written manuscripts. In 3 vols]. Moscow, Znak Publ., 2003.

Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1-45 [Dictionary of Russian Folk Dialects. Iss. 1-45]. Filin F.P., Sorokoletov F.P., eds. Moscow; Leningrad-Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965-2012.

Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv. Vyp. 1-30 [Dictionary of the Russian language (11th-17th centuries). Iss. 1-30]. Moscow, Nauka Publ., 1975-2015.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984-1991, vol. 1-6; Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992-2011, vols. 7-19. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.

Babkin A.M., Barkhudarov S.G., Filun F.P., eds. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 vols]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950-1965.

Stypula R., Kovalyova G.V. *Polsko-russkiy slovar* [Polish-Russian dictionary]. Moscow, Warsaw, Russkiy yazyk Publ., Veda Povolzhskaya Publ., 1989. 864 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of Russian language. In 4 vols]. Moscow, Progress Publ., 1986-1987.

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian. In 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994.

Information About the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Documentation Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5117-5677>.

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и документалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5117-5677>.